

Я. С. СМЕРНОВА

ОБЫЧАИ ИЗБЕГАНИЯ У АДЫГЕЙЦЕВ И ИХ ИЗЖИВАНИЕ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

«Избеганием», или «ограничительными отношениями», в этнографической литературе называется совокупность различных запретов, соблюдаемых супругами в отношении друг друга, своих детей и известных категорий родственников и свойственников. Хотя обычаи избегания принадлежат к числу широко распространенных традиций семейного быта многих народов, они остаются сравнительно мало описанными и совершенно не исследованными. Обычаи избегания не привлекли к себе сколько-нибудь заметного внимания этнографов, изучающих семью и семейный быт народов СССР. Между тем, как мы увидим дальше на примере адыгейцев, внимание к этим обычаям со стороны как этнографов, так и практических работников культурно-просветительных учреждений может иметь определенное значение в деле дальнейшего переустройства семейного быта народов Советского Востока на путях перехода к коммунизму.

Обычаи избегания у адыгейцев — в том виде, в каком отдельные литературные данные и полевые этнографические материалы¹ позволяют восстановить их применительно к дореволюционному прошлому, — можно условно подразделить на четыре группы. К первой группе относятся запреты в отношениях между супругами, ко второй — запреты в отношениях между родителями и их детьми, к третьей — запреты в отношениях между женщиной и родственниками ее мужа и к четвертой — запреты в отношениях между мужчиной и родственниками его жены. Мы не включаем сюда особый, предваряющий избегание, комплекс отношений жениха и невесты с их старшими родственниками, действующий лишь на протяжении свадебного цикла и обычно называемый в этнографической литературе «скрыванием».

1. Избегание во взаимоотношениях между супругами неоднократно отмечалось многими дореволюционными бытописателями адыгейских племен. Паллас сообщал, что вслед за годичным периодом свадебного скрывания от родителей «муж столько же времени посещает свою молодую жену все еще только тайно, через окно комнаты, и в течение всей своей жизни не показывается вместе с ней при посторонних лицах»². Клапрот³, Белл⁴ и Тетбу де Мариньи⁵ отметили, что супруги

¹ Используемые в настоящей статье полевые материалы собраны автором в 1959—1960 гг. в селениях Шовгеновск (бывш. Хакуринохабль), Мамхег, Хатажукай, Псейтук, Афипсиц, Большой Псеушко и в городах Майкоп и Туапсе.

² P. S. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, т. I, Leipzig, 1799, стр. 388, ср. там же, стр. 329.

³ J. Klapproth, Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, т. I, Halle und Berlin, 1812, стр. 574.

⁴ J. S. Bell, Journal of residence in Chircassia during the Years 1837, 1838 and 1839, т. II, London, 1840, стр. 222.

⁵ Taitbout de Marigny, Voyage en Chircasie, Odessa et Simpheropol, 1836, стр. 40.

могут быть вместе лишь в ночное время, а по словам Дюбуа де Монпере «подобно тому, как это было в Лакодемонии, черкес, вступивший в брак, не смеет видаться на людях со своей женой; он может посещать ее только тайком; заговорить с ним о его жене или хотя бы спросить о ее здоровье — верх неучтивости. Только возраст может внести некоторое смягчение в этот церемониал»⁶. Сталь, наблюдая обычаи избегания между супругами, подметил, что наряду с возрастными в них наличествуют и социальные оттенки: «Молодой муж не позволяет себе видеть жену днем, а непременно ночью, и то украдкой. Видеть жену днем, входить к ней в саклю и разговаривать с ней в присутствии других может себе позволить только пожилой простолюдин, а князь и дворянин — никогда»⁷. Другие литературные сообщения⁸ и главным образом полученная нами полевая информация⁹ показывают, что обычай запрещал мужу и жене не только находиться днем в одном помещении дома, беседовать, есть за одним столом, но и появляться вместе на улицах селения, совместно посещать празднества, поминки и т. п. Считалось предосудительным, чтобы один из супругов, в особенности муж, в чем-либо присутствием проявлял заботу о другом супруге, как-нибудь выказывал свои супружеские чувства, помогал в работе, ухаживал в случае болезни, даже оплакивал после смерти. Ни в глаза, ни за глаза супруги не должны были называть друг друга «мужем» и «женой», а также по имени: говорили «он» и «она». Еще одним проявлением этого показного отчуждения был распространенный у адыгейцев (более всего у шапсугов) обычай, согласно которому женатый мужчина свободно и даже демонстративно посещал дома девушек-невест, ухаживал за ними, делал им в шутку брачные предложения; при этом считалось неприличным, чтобы кто-нибудь напомнил ему, что он женат, или чтобы его жена выказала признаки ревности.

Важно отметить, что адыгейский обычай («адыгэ хабзэ») считал особенно недопустимым нарушение норм избегания в отношениях между супругами при ком-нибудь из старших членов семьи и вообще старших родственниках мужа. По словам наших информаторов, в этих случаях большинство запретов обычно строго соблюдалось даже пожилыми людьми, не принадлежавшими к высшим слоям адыгейского общества.

2. Избегание в отношениях между родителями и детьми в значительно большей степени касалось отца нежели матери. Считалось вопиющим нарушением приличий, если отец в присутствии посторонних людей и особенно в присутствии своих старших родственников брал ребенка на руки, играл с ним, говорил о нем, оплакивал его в случае смерти или каким-нибудь другим образом проявлял отцовские чувства. По замечанию Белла, молодого мужчину, особенно если он принадлежал к сословиям уорков или пши, на протяжении многих лет нельзя было «увидеть рядом с его детьми, тем более в то время как он разговаривает со своими родителями»¹⁰. Строгое соблюдение

⁶ Ф. Дюбуа де Монпере, Путешествие вокруг Кавказа, Труды Института абхазской культуры, т. I, вып. VI, Сухуми, 1937, стр. 43.

⁷ Сталь, Этнографический очерк черкесского народа, «Кавказский сборник», вып. 21, Тифлис, 1900, стр. 28.

⁸ Н. Карлгоф, Политическое устройство черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря, «Русский вестник», т. 28, кн. 2, 1860, стр. 524; Н. Дубровин, Черкесы (адыге), Краснодар, 1927, стр. 93—95, 112; Ф. А. Леонтович, Алаты кавказских горцев, вып. I, Одесса, 1882, стр. 254—255; А. М. Ладженский, Обычное семейное право черкес, «Новый Восток», 1928, № 22, стр. 226.

⁹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, лл. 18, 20, 24, 27, 28-а.

¹⁰ J. S. Bell, Указ. раб., т. II, стр. 222; ср. P. S. Pallas, Указ. раб., т. I, стр. 388; J. Karloff, Указ. раб., стр. 575; Н. Карлгоф, Указ. раб., стр. 524; Н. Дубровин, Указ. раб., стр. 94—95, 108.

«адыгэ хабзэ» предполагало, чтобы в присутствии старших отец даже не находился в одной комнате со своим малолетним ребенком: если один входил, другой должен был выйти. В Адыгее широко известно предание, может быть несколько утрированно, но тем более выразительно характеризующее непреложность норм избегания между отцом и его ребенком. Как-то группа людей стояла на краю обрыва; здесь же играл сын одного из присутствующих мужчин. Внезапно ребенок поскользнулся и покатился в пропасть. Отец неторопливо шагнул вперед и, как бы невзначай наступив ногой на рубаху сына, удерживал его над пропастью, покауда подоспевший подросток не схватил ребенка и не унес его домой. По мере подрастания детей, их отношения с отцом постепенно становились менее отчужденными, но обычай по-прежнему предписывал проявлять взаимную сдержанность в проявлении родственных чувств. Обращения «отец», «сын», «дочь» не употреблялись на протяжении всей жизни: и отец, и его дети называли друг друга только по имени.

Что касается матери, то в семьях простых крестьян необходимость вскармливания ребенка, а затем повседневного ухода за ним исключала возможность сколько-нибудь полного и длительного соблюдения обычаев избегания. В больших семьях этих обычаев строго придерживались в течение некоторого времени после рождения ребенка; молодая мать с утра выносила колыбель из своей комнаты в общее помещение и, делая вид, что не имеет никакого отношения к ребенку, в присутствии других лиц, особенно старших родственников мужа, даже не подходила к нему близко. Однако обычно уже через месяц мать, бабка и другие старшие женщины семьи просили невестку не стесняться их присутствием, брать ребенка на руки и кормить его грудью при них. Нормы избегания постепенно ослабевали; все же и в дальнейшем воспитанием ребенка в основном занимались другие женщины дома, а самой матери полагалось воздерживаться от сколько-нибудь заметных проявлений материнских чувств. В частности, мать, как и отец, не должна была оплакивать своего ребенка в случае его смерти и даже подходить к его смертному одру¹¹.

3. Избегание в отношениях между женщиной и родственниками ее мужа касалось главным образом старших из них. Женщине полностью запрещалось всякое общение с отцом и дедом мужа — с ними нельзя было разговаривать, находиться в одном помещении, показываться им на глаза за пределами дома. Если невестке было необходимо пройти мимо свекра, кто-нибудь из младших членов семьи подходил к нему и просил отвернуться; если невестка и свекор случайно сталкивались, оба делали вид, что не замечают друг друга. Обычай допускал, чтобы через несколько лет после свадьбы свекор обратился к невестке с предложением прекратить избегание, однако такие случаи были очень редки и всегда вынуждались какими-нибудь чрезвычайными обстоятельствами, например, невозможностью полного отчуждения в силу отсутствия в семье других женщин. В принципе аналогичный характер имели нормы избегания между женщиной и старшими братьями ее мужа, с той разницей, что пожизненное соблюдение их не считалось столь желательным. Обычно через год — другой после свадьбы девери просили невестку не стесняться их, показываться в их присутствии и разговаривать с ними. Отмена запрета всегда сопровождалась обменом небольшими подарками. Еще слабее было выражено избегание между невесткой и свекровью, тесно связанными необходимостью совместного хозяйствования. Как правило, оно сводилось к запрещению разговаривать в течение нескольких месяцев после свадьбы (объясняться посредством жестов и мимики было можно); после этого

¹¹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361. лл. 15, 18, 19, 64, 66, 67, 97.

свекровь предлагала невестке не стесняться ее и прекратить избегание. Она делала невестке подарок — отрез на платье, платок и т. п.; та, в свою очередь, одаривала свекровь какой-либо аналогичной вещью, присланной ей специально для этого родителями. Резали петуха, созывали пожилых родственниц и соседок и устраивали небольшое празднество, знаменовавшее снятие разговорного запрета. Однако и после этого обычай предписывал невестке держаться «скромно», «незаметно», не вступать самой в разговор, а лишь отвечать на вопросы, не раздеваться и не причесываться в присутствии свекрови и т. п.

В отдаленном прошлом сроки избегания между невесткой и свекровью были более длительными. Доминиканец д'Асколи, посетивший в первой половине XVII в. адыгейские племена северо-западного побережья Кавказа, сообщает, что «по выходе замуж женщина долгое время, иногда годами, не показывается ни теще (по-видимому, ошибка переводчика: следует читать «свекрови». — Я. С.), ни зятям, ни близким родственникам, живя отдельно от них, хотя бы в одном и том же доме, а при случайной встрече она отворачивается и склоняет лицо, дабы не видеть их. По истечении этого времени молодую женщину угощают обедом и дарят ей хорошее платье или шубу, или же что-то другое, по ее вкусу, предварительно узнав, чем бы ей угодить. Затем ее принимают в дом с поцелуями и добрыми пожеланиями; тогда у нее, быть может, уже двое или трое детей»¹². В другом месте д'Асколи отмечает, что исповедующие христианство черкешенки даже не ходят в церковь, чтобы не встретиться здесь со своими свойственниками¹³.

Избегание распространялось и на более дальних старших родственников мужа, прежде всего — его дядей. Даже в их отсутствие невестка не должна была появляться у них дома, пока не совершался специальный обряд «ввода», сопровождавшийся угощением и обменом подарками.

В отношении младших родственников мужа, в особенности тех из них, кто родился уже после появления в доме невестки, избегание не практиковалось. За исключением запрета произносить имена, распространявшегося на всех членов семьи мужа, других его родственников и ближайших соседей (некогда также являвшихся родственниками). Свекра невестка называла «мой князь», свекровь — «моя княгиня», старших братьев мужа — «мой старший брат», всех остальных — особыми, специально придуманными ею условными именами, например, «мое золото», «мой ясноглазый», «та, которую нужно беречь» и т. д. В свою очередь, члены семьи мужа и его другие родственники и соседи не произносили настоящего имени невестки, заменяя его каким-нибудь условным наименованием. Так, старшую невестку данной семьи звали просто «невесткой», следующую — «красивой невесткой», третью — «тихой невесткой» и т. д.¹⁴.

4. Избегание между мужчиной и родственниками его жены касалось исключительно старших родственников — отца, матери, деда, бабушки, дядей, теток. Со всеми ими нельзя было не только разговаривать, но даже и показываться им на глаза. Завидев тестя, зять сворачивал с дороги, а столкнувшись с ним, отворачивался в сторону. Родственники замужней женщины также не посещали дом своего зятя. Исключение могло быть сделано лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Так, бывало, что в случае крайней нужды мать навещала дочь в доме ее мужа, но она делала это как бы тайком, плотно закутавшись в платок и всегда под покровом ночи¹⁵. Насколько позволяют судить наши по-

¹² Э.-Д. д'Асколи, Описание Черного моря и Татарины. 1634, «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XXIV, 1902, стр. 127.

¹³ Там же, стр. 128.

¹⁴ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, лл. 18, 19, 26, 27, 28-а.

¹⁵ Там же, л. 20.

левые материалы, адыгейцы, в противоположность другим адыгам¹⁶, не знали обычая «знакомства» молодого мужа с родителями его жены. Поэтому избегание в отношении этих последних не было ограничено каким-либо сроком и практиковалось на протяжении всей жизни.

Какова была реальная роль обычаев избегания в семейном и общественном быту адыгейцев?

Как уже говорилось, этнографически обычаи избегания пока еще не исследованы. А. Даринский, собравший некоторые наиболее общие данные по избеганию у ряда народов Северного Кавказа, высказал предположение, что связанные с ним обычаи, равно как и институт аталычества, возникли в процессе перехода от группового брака к индивидуальному и имели своей целью вуалирование этого перехода. «Лицо, взявшее себе жену в исключительное пользование, совершило преступление против своей семьи и потому должно было стараться скрывать плоды этого преступления; плодами же этого преступления были жена и дети. Вот почему его близкие отношения к ним должны были быть скрываемы. Жену он посещает тайно, не говорит с ней, не называет ее по имени, такое же отношение и со стороны жены, с детьми оба холодны, их воспитывают на стороне, не ласкают, не говорят о них и т. д.»¹⁷. Точка зрения Даринского заслуживает внимания, однако с наименьшим основанием можно предположить, что обычаи избегания отразили переход от матриликального поселения к патрилокальному и от матрилинейного счета родства к патрилинейному, возникнув, следовательно, как своеобразная условность, при помощи которой в формировавшемся отцовском обществе поддерживалась иллюзия отсутствия в данной семье незаконно вошедших в нее молодоженов и какой-либо связи между ними и родившимися у них детьми. Кроме того, некоторые нормы избегания — например, запрет произносить имена¹⁸, причесываться в присутствии старших свойственников, — явственно отразили и магические воззрения, присущие первобытности. Однако независимо от того или иного решения вопроса о происхождении обычаев избегания — вопроса, еще ждущего своего детального исследования, — для нас важно отметить одну их существенную особенность, родившуюся в процессе развития патриархально-родового, а затем патриархально-феодального строя. Если первоначально нормы избегания, по-видимому, в равной степени касались обоих супругов, то с течением времени в силу самого факта патрилокальности поселения и общего духа законов патриархального общества они легли главным образом на плечи женщины. Муж после заключавшего его свадебное «скрывание» обряда «примирения» с родителями свободно общался со всеми членами своей семьи, разговаривал с ними, ел за одним столом и т. п.; напротив, жена в течение длительного времени, подчас в течение всей жизни, должна была соблюдать по отношению к членам этой семьи, в которой она проводила почти всю жизнь, многочисленные тягостные запреты. Вынуждая женщину быть постоянно настороже, постоянно следить за своими словами и, казалось бы, самыми малозначительными поступками, обычаи избегания бесконечно усложняли и отягчали ее и без того нелегкое существование. Избегание оказывало определенное воздействие и на воспитание ребенка, связанного в

¹⁶ См.: Т. Т. Шикова, *Семья и семейный быт кабардинцев в прошлом и настоящем*, кандидатская диссертация, М., 1955, стр. 119.

¹⁷ А. Даринский, *Семья у кавказских горцев*, «Записки об-ва истории, филологии и права при Варшавском университете», вып. 2, Варшава, 1903, стр. 149.

¹⁸ См.: Г. Ф. Чурсин, *Магическое значение имени у кавказских народов*, «Бюллетень Кавказского историко-археологического института», Тифлис, 1928, № 4, стр. 20.

своим поведением рядом традиционных запретов и в значительной степени лишенной родительской ласки и заботы.

К этому следует добавить, что если генетически обычаи избегания и не связывались с какими-либо специфически патриархальными привилегиями или ограничениями, то в ходе времени они в известной мере переплелись с нормами поведения, отразившими патриархальное и шариатское неполноправие женщины и младших членов семьи. В патриархально-феодальной Адыгее женщина не должна была присутствовать на народных собраниях и празднествах, находиться на улице в обществе посторонних мужчин или выезжать одна за пределы аула, сидеть или принимать пищу при старших мужчинах; дети также не имели права сидеть или есть в обществе старших, участвовать в их разговоре и т. п.; и женщины, и младшие члены семьи были лишены ряда наиболее существенных имущественных прав¹⁹. Естественно, что в этих условиях многие из связывавших женщину и ребенка норм избегания стали восприниматься как отражение их приниженного, неполноправного положения. Сказанное прямо подтверждается некоторыми замечаниями бытописателей старой адыгейской семьи, замечаниями, которые при всей своей научной неточности, по-видимому, не лишены известной жизненной правды. Так, по мнению А. Намитокова, жена «не дерзала», а муж «не снисходил» называть другого супруга по имени²⁰, а по словам адыгейского писателя А. Евтыха, родители не оплакивали своего ребенка, потому что они его «не считали за человека»²¹.

Все сказанное позволяет заключить, что обычаи избегания в XIX — начале XX в. не являлись нейтральными традициями адыгейского народного этикета. Они были вредным наследием патриархального строя, одним из отрицательных пережитков быта староадыгейской патриархальной семьи.

Очень медленное изживание или, точнее, ослабление норм избегания началось у адыгейцев еще до Великой Октябрьской социалистической революции, в период, последовавший за крестьянской реформой (1867 г.). Этот процесс был естественным следствием далеко зашедшего процесса разложения большесемейной организации. По собранным Е. С. Зевакиным архивным данным, в 1886 г. в двенадцати адыгейских аулах семьи до 6 человек составляли 63%, от 6 до 8 человек — 19,5%, от 8 до 10 — 9%, от 10 до 15 — 7,5% и от 15 до 20 — только 1% всех семей²². В условиях малой семьи, в состав которой не входили родители, старшие братья или другие старшие родственники мужа, практически рождалась большая свобода во взаимоотношениях между супругами и в их отношениях со своими детьми. В условиях малой семьи, включавшей кого-либо из родителей мужа, а также в условиях неразделенной, но численно сократившейся большой семьи весь уклад хозяйственной и домашней жизни небогатых людей заставлял постепенно сокращать сроки некоторых традиционных запретов и ослаблять их строгость. Так, в частности, именно в это время, по-видимому, сократился до двух недель срок, в течение которого невестка не должна была появляться перед старшими женщинами семьи со своим ново-

¹⁹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, лл. 15, 24, 25, 27, 28, 86; Н. Карлгоф, Указ. раб., стр. 524; Ф. А. Леонтович, Указ. раб., вып. 1, стр. 152—153; А. М. Ладыженский, Указ. раб., стр. 226 сл.; К. Р. Мирам, Этнографический очерк, Сб. «Адыге, их быт, физическое развитие и болезни», Ростов-на-Дону, 1930, стр. 8; С. В. Побудейская, Быт и половая сфера адыгейской женщины, там же, стр. 66—67; «Очерки истории Адыгеи», т. I, Майкоп, 1957, стр. 246—247.

²⁰ А. Намитоков, Черкешенка, М., 1928, стр. 20.

²¹ А. Евтых, У нас в ауле, «Новый мир», 1953, № 5—6.

²² «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 461.

рожденным ребенком; во многих семьях молодые супруги по прошествии нескольких месяцев стали показываться вместе в присутствии матери, сестер и даже братьев мужа²³. Но в целом система обычаев избегания в дореволюционное время оставалась еще мало поколебленной традицией семейного и общественного быта адыгейцев.

Положение существенным образом изменилось только в советскую эпоху, когда общий процесс социалистического переустройства Адыгеи повлек за собой ряд принципиальных сдвигов в быту и культуре народа. В Адыгее, как и в других областях Советского Востока, с первых же лет существования советской власти развернулась активная борьба против вредных пережитков патриархально-феодального быта, за юридическое и фактическое раскрепощение женщины, привлечение ее к производительному труду, общественно-политической и культурной жизни. Вопрос о раскрепощении адыгейской женщины был поставлен уже в 1921 г. на Втором областном горском съезде в Краснодаре и в следующем году на Первом беспартийном окружном съезде адыгеек. С этого же времени государственные, партийные и общественные организации повели борьбу с преступлениями, составляющими пережитки родового быта (умыкание, покупной брак, многоженство, выдача замуж несовершеннолетних девушек), неполноправием и затворничеством адыгеек. Велась борьба за вовлечение женщин в колхозное строительство, их участие в политических кампаниях, в работе Советов депутатов трудящихся и во всей общественно-политической жизни страны²⁴. В официальных документах 1920-х годов много говорится о трудностях работы среди адыгейских женщин, связанных в своем поведении «бытовыми национальными традициями» и поэтому значительно менее активных, нежели русские женщины Адыгеи²⁵. К числу таких традиций, тормозивших раскрепощение адыгейки, принадлежали, в частности, обычай избегания.

Когда в годы коллективизации развертывалось движение за вовлечение женщин в колхозы и повышение их производственной и общественной активности, многие адыгейки отказывались посещать собрания и, в особенности, выступать на них, так как здесь присутствовали их старшие свойственники, по отношению к которым должен был строго соблюдаться разговорный запрет. Бывший председатель одного из первых в области колхоза «Зелимхан» (Шовгенковский район) А. Потоков рассказывал нам, что эту коллизию лишь отчасти удавалось устранить следующим образом: перед началом выступления колхозницы председатель просил всех старших родственников ее мужа временно покинуть собрание, чтобы не стеснять своим присутствием невестку²⁶. Аналогичная проблема вставала при проведении предвыборных и выборных кампаний, привлечении женщин к работе сельсоветов и т. п., причем и здесь также приходилось принимать «меры к тому, чтобы на заседаниях сельсоветов и других общественных организаций создавалась такая обстановка, которая давала бы возможность присутствовать черкешенке на таковых»²⁷. Неудивительно поэтому, что уже в 1928 г. Северокавказский краевой исполнительный комитет Со-

²³ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, лл. 19, 66.

²⁴ Сведения о борьбе за раскрепощение адыгейской женщины и о работе по улучшению ее труда и быта см. в делах Адыгейского областного государственного архива, ф. Р-1: оп. 1, д. 126, лл. 11—12, 60; д. 174, лл. 7—16; д. 230, лл. 90—101, 109—110, 122, 129—130; д. 270, л. 216; д. 278, лл. 87, 92, 115, 133—196; д. 299, лл. 36—37, 40—45; д. 302, лл. 7—17; д. 424, лл. 5—7; д. 487, л. 2; д. 553, лл. 50—51.

²⁵ Там же, ф. Р-1: оп. 1, д. 237, л. 10; ср. там же, д. 177, л. 222; д. 240, л. 11.

²⁶ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, л. 25.

²⁷ Адыгейский областной государственный архив, ф. Р-1: оп. 1, д. 278, л. 194; ср. там же: д. 126, л. 12; д. 200, л. 71.

ветов рабочих, крестьянских, казачьих, горских и красноармейских депутатов в своем обращении «Об уравнивании прав горянки и горца» призвал трудящихся горцев Северного Кавказа развернуть борьбу не только с такими позорными явлениями, как многоженство и покупной брак, но и с обычаями избегания, запрещавшими женщине говорить в присутствии старших родственников мужа, сидеть за одним столом с мужчинами и пр.²⁸

Окончательное разрушение большесемейной организации в период коллективизации адыгейской деревни, вовлечение женщины в общественно-полезную деятельность и, как следствие этого, коренное изменение ее семейного и общественного положения, общий рост культурного уровня адыгейцев и ряд специальных мероприятий партии и правительства, направленных на ликвидацию вредных пережитков прошлого,— все это в очень короткий исторический срок сказалось на адыгейской семье: на ее составе, взаимоотношениях между ее членами, общем семейном укладе. Однако преобразование различных сторон быта проходило неодинаковыми темпами. Естественно, что внимание государства и общественности было обращено в первую очередь на быстрейшее искоренение наиболее вредных пережитков — прямых проявлений затворничества женщины, ущемления ее имущественных и наследственных прав (так же, как и прав младших членов семьи), преступлений, составляющих остатки родового быта, и т. п. По сравнению с этим традиции избегания все же являлись более или менее частным, не имевшим столь большого общественного значения элементом семейно-родственных отношений. Кроме того, сам характер этих традиций, в большинстве относившихся к интимной сфере внутрисемейных взаимоотношений, делал их относительно устойчивыми и затруднял борьбу с ними со стороны общественных и государственных организаций. Вот почему обычаи избегания, закономерно изживаясь в общем ходе социалистического переустройства семейного и общественного быта адыгейцев, тем не менее исчезали медленнее других патриархальных пережитков. Так, если покупной брак, многоженство, левират уже к началу 1930-х годов перестали быть сколько-нибудь распространенными явлениями народного быта, то многие обычаи избегания еще продолжали соблюдаться в большинстве адыгейских семей, а некоторые из них в том или ином виде дожили до настоящего времени.

Посмотрим, как далеко продвинулся сегодня процесс изживания интересующих нас обычаев. В подавляющем большинстве семей адыгейских колхозников, если муж и жена не преклонного возраста и если в состав семьи не входит кто-либо из престарелых родственников мужа, супруги в семейном кругу свободно общаются, едят за одним столом, не стесняются оказывать друг другу различные знаки внимания и называть друг друга по имени. Однако присутствие старших, тем более престарелых родственников мужа — отца, деда, дяди, а подчас и посторонних людей,— все еще продолжает в той или иной степени связывать супружескую пару. Особенно упорно держится обычай, запрещающий женщине садиться за стол в обществе мужа при его старших родственниках и посторонних. Нам приходилось наблюдать этот обычай не только в домах многих колхозников, но и в домах сельской интеллигенции и даже городских жителей²⁹.

В отличие от горожан, молодые супруги-колхозники еще стесняются вдвоем гулять по улицам, ходить в кинотеатр, в клуб, на танцы, посещать свадьбы и другие семейные празднества. Отказавшимся следовать этой традиции, в особенности мужчинам, нередко приходится выслушивать различные, впрочем всегда добродушные, насмешки зна-

²⁸ Газ. «Адыгейская жизнь». 29 октября 1928 г., № 90.

²⁹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, лл. 20, 21, 25, 28-а, 102, 103.

комых и родственников. Некоторые молодые супружеские пары стараются выйти из этого положения компромиссным путем: так, они посещают кинотеатр вместе, но не вдвоем, а еще с несколькими приятелями, или же отправляются на свадьбу вместе, но держатся там подальше друг от друга³⁰. Такие компромиссные, как бы «переходные» формы поведения супругов в общественных местах свидетельствуют о несовместимости современного общественного быта адыгейских колхозников с древними традициями избегания и отражают быстрый процесс изживания этих традиций.

Почти не соблюдаются, даже при старших родственниках, обычаи избегания в отношениях между родителями и детьми. Правда, иногда еще приходится сталкиваться с отдаленным отголоском этих обычаев — некоторой показной сдержанностью отца, проявляемой им на людях в обращении со своими детьми. Но даже такие случаи теперь редки. Как правило, не только мать, но и отец непринужденно разговаривает с ребенком, берет его на руки, покупает ему игрушки и лакомства, не считает предосудительным говорить о нем с родственниками или посторонними людьми. Посетив в селении Шовгеновск дом М. Дагуфова, мы видели, как отец с удовольствием принимал участие в «концерте», во время которого его дети исполняли песни и танцы, выученные ими в детском саду³¹. Сходные сцены, свидетельствующие о полном забвении старых традиций, доводилось нам наблюдать во многих семьях селений Шовгеновск, Мамхег, Большой Псеушко и ряде других.

Медленнее изживаются традиционные запреты в отношениях между одним из супругов и старшими родственниками другого. Это и понятно, так как объектом избегания в данном случае обычно являются престарелые люди, многие из которых воспринимают нарушение старых обычаев как неуважение к старости или даже как сознательное стремление нанести им обиду. Считаясь с этим, молодые невестки еще довольно часто в течение того или иного времени избегают родителей (главным образом свекра) и других старших родственников мужа. Так, во время нашего пребывания в селении Мамхег невестка 73-летнего колхозника, уже шесть лет живущая в его семье, еще ни разу не сталкивалась с ним лицом к лицу; в селении Шовгеновск невестка одного из наших информаторов, которому 75 лет, уже в течение трех лет избегает показываться ему на глаза; в том же селении в другой семье мы наблюдали, как невестка не решалась пройти мимо свекра, пока один из членов семьи не попросил его отвернуться³²; в г. Майкопе мы познакомились с молодой адыгейкой, имеющей высшее образование, которая, не решаясь обидеть стариков, некоторое время после свадьбы избегала своей свекрови, а заведя на улице дядю мужа, делала вид, что его не замечает. Часто еще невестки, в том числе и городские жительницы, не произносят имен свекра, свекрови и других старших родственников мужа, а те, в свою очередь, — имени невестки. Аналогичным образом немало мужчин продолжает какое-то время соблюдать традиции избегания по отношению к родителям, дядям, теткам жены³³.

Однако даже избегание престарелых родственников мужа или жены — этот наиболее медленно отмирающий вид избегания, — так же как и другие проявления описанных нами обычаев, не является теперь сколько-нибудь абсолютной, общераспространенной нормой поведения. Все чаще можно наблюдать паллиативные, переходные формы обще-

³⁰ Там же, л. 102.

³¹ Там же.

³² Там же, лл. 15, 18, 21.

³³ Там же, лл. 20, 102.

ния с подлежащими избеганию свойственниками. Такого рода формы довольно многообразны. Нам доводилось наблюдать, как некоторые невестки, еще не решаясь садиться за один стол со свекром, уже не избегают его в других случаях или же, еще не решаясь обращаться к нему по имени, уже свободно произносят его имя за глаза. Саму невестку во многих семьях называют еще не по ее имени, но уже и не традиционным наименованием «невестка», а каким-нибудь другим именем: например, «Женя» вместо «Нахмет», «Тамара» вместо «Русет» и т. д. В селении Мамхег мы были свидетелями случая, когда молодая невестка не решалась без настоящего приглашения войти в дом одного из старших родственников мужа, но, войдя, сразу же села с ним за один стол. Нередко зятя, еще не считая возможным где-нибудь на людях сидеть за общим столом или же разговаривать с родителями жены, уже не избегают их в семейном кругу, бывают у них дома и приглашают к себе. Еще дальше продвинулось изживание обычаев избегания во взаимоотношениях со старшими, но не престарелыми свойственниками — братьями, сестрами, сравнительно молодыми дядями и тетками мужа и жены. В этих случаях традиционные нормы поведения, если и соблюдаются, то очень недолгое время, причем зачастую в полшутливой форме. После первого же приглашения в гости, совместного ужина, иногда обмена небольшими подарками такие свойственники навсегда забывают о предписанных им старыми обычаями запретах³⁴.

Как правило, обычаи избегания быстрее всего изживаются в семьях рабочих, служащих, сельской интеллигенции, где все более частыми становятся случаи полного отказа от соблюдения каких бы то ни было традиционных ограничений. В селении Шовгеновск мы близко познакомились с бытом семей строительного рабочего Г. Сетова, служащих Г. Куваева, Н. Даурова, К. Хакужева. Все они едят вместе с женами в присутствии гостей и старших родственников, ходят с женами в гости, в кинотеатр, вместе проводят отпуск, непринужденно общаются со старшими родственниками жены, а их жены — со старшими родственниками мужа³⁵. В селении Афипсип аналогичным образом полностью отказалась от обычаев избегания семья шофера А. Ачагу³⁶. Напротив, в семьях колхозников такие случаи, по-видимому, еще довольно редки. Любопытен следующий факт. Престарелая женщина, живущая постоянно в семье своего сына, шовгеновского колхозника, но часто гостящая в семье другого сына, работающего в г. Майкопе, держит себя в этих семьях по-разному. Если в Майкопе она отнюдь не требует от невестки соблюдения каких-либо обычаев избегания, то в Шовгеновске она продолжает следить за выполнением основных запретов, в частности за тем, чтобы сын и невестка не ели в ее присутствии за одним столом.

В целом, таким образом, многие обычаи избегания, в значительной степени стершись в процессе социалистического переустройства адыгейского колхозного аула, все же продолжают удерживаться до сегодняшнего дня как один из последних пережитков староадыгейского семейного и общественного быта. Остатки избегания еще усложняют быт немалою числа адыгейских семей, мешают непринужденности семейно-родственных отношений, стесняют адыгейскую женщину и унижают ее человеческое достоинство. Все это сейчас хорошо осознается адыгейской общественностью и привлекает к себе внимание партийных и общественных организаций области. Так, в апреле 1960 г.

³⁴ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, лл. 20, 21, 28-а, 102.

³⁵ Там же, лл. 41, 102.

³⁶ Там же, л. 28-а.

областная газета «Адыгейская правда», выступив с призывом активизировать борьбу с пережитками прошлого, уделила в одной из своих статей заметное место остаткам избегания: «Бывая в общественных местах,— говорится в статье,— можно зачастую видеть такую картину. Вечером после работы муж идет в кино, а жена остается дома. Или бывает так, когда жена и муж приходят вместе в клуб, но садятся отдельно, чтобы избежать «осуждения» пожилых людей... Считается позором, если муж помогает жене принести воды, сходить за продуктами и другое. Поэтому отдельные мужчины, прикрываясь обычаями, совершенно освобождают себя от домашних забот... Унижают и ставят в неравноправное положение женщину такие пережитки, как запрещение замужней женщине танцевать, ходить без косынки, разговаривать и показываться свекру, появляться вдвоем с мужем перед своими и его родителями»³⁷. Несовместимость остатков избегания с достоинством советской женщины подчеркивалась и на состоявшемся в апреле 1960 г. Адыгейском областном собрании актива женщин³⁸.

Ввиду сказанного первостепенное значение приобретает вопрос о практических мерах борьбы с продолжающимися еще пережиточно бытовать остатками обычаев избегания. Одной из таких действий мер представляется нам широкая практика устройства комсомольских свадеб, отличающихся от традиционных свадеб в частности тем, что молодожены здесь сидят за одним столом со своими старшими родственниками, т. е. уже на пороге совместной жизни ломают традиции избегания. Подобные свадьбы в Адыгее хорошо известны: так, в селе Кошехабль в 1959 г. была проведена показательная комсомольская свадьба в колхозном клубе; в Шовгеновске в 1955—1960 гг. также были отпразднованы три комсомольские свадьбы³⁹. Однако эти свадьбы пока еще редки, и задача состоит в том, чтобы их популяризовать, превратить в общераспространенное явление.

Интересный опыт активизации борьбы с остатками избегания был проделан в Кабардинской АССР, где в начале 1960 г. провели вечер молодых невесток с участием их свекровей⁴⁰. Следует популяризовать и этот опыт, добиваясь, чтобы за первым «вечером невесток и свекровей» последовала серия аналогичных вечеров в Кабарде, Черкессии, Адыгее, Абхазии и других республиках и областях Кавказа, где традиции избегания еще являются не разрешенной до конца проблемой социалистического переустройства семейного и общественного быта.

Немалое значение для окончательной ликвидации остатков избегания может иметь лекционная пропаганда, в постановке которой важную роль призваны сыграть этнографы. Разработанные этнографическими учреждениями примерные тексты лекций о происхождении и содержании обычаев избегания могли бы быть широко использованы сетью культурно-просветительных органов на местах, помогли бы показать, что эти давно уже ставшие бессмысленными и вредные обычаи не имеют ничего общего с положительными традициями народа.

Сейчас, когда на путях перехода к коммунизму перед народами нашей страны стоит задача усилить борьбу с сохранившимися в быту и сознании советских людей вредными пережитками досоциалистических формаций, необходимо ускорить полное изживание одного из таких пережитков — обычаев избегания.

³⁷ Газ. «Адыгейская правда», 12 апреля 1960 г., № 73.

³⁸ Стенограмма Адыгейского областного собрания актива женщин (апрель 1960 г.). Архив Адыгейского обкома КПСС.

³⁹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, л. 56.

⁴⁰ Стенограмма Адыгейского областного собрания актива женщин (апрель 1960 г.).

SUMMARY

Before the October Revolution the practices of «avoidance» persisted among the Adyge population — a totality of taboos observed by man and wife in respect of each other, their children and certain categories of relatives and kinsmen. Emerging in times long past, in the process of transition from group to individual marriage, and from matriarchal to patriarchal society, these taboos were initially imposed on both spouses, but with the development of patriarchal and feudal-patriarchal relations they came to be observed mostly by women. The «avoidance» practices considerably impaired the family and social status of Adyge women and had a negative effect on the upbringing and position of children.

After the October Revolution the general efforts for the socialist reconstruction of Adyge Region and the active struggle against the harmful survivals of the feudal-patriarchal way of life resulted in a comparatively rapid obliteration of «avoidance». Nevertheless, some of these practices, in lessened or modified form, persist to this day, rendering more complicated the life of many Adyge families, hampering natural family life and relations, and standing in the way of Adyge women. The public of Adyge believes that in the transition period from socialism to communism, when the peoples of the Soviet country are confronted by the task of intensifying their struggle against the harmful survivals of pre-socialist formations, it is essential promptly to put an end to all «avoidance» practices — one type of such harmful survivals. Material help in this respect should be rendered by Soviet ethnographers specializing in the Caucasus.
